ПѢСНЯ.

Лейтенантскій деньщикъ сидѣлъ въ Севастополѣ за воротами, рядомъ съ сосѣдомъ своимъ, грекомъ изъ мелочной лавочки. Грекъ затянулъ свою заунывную пѣсню — тянулъ, тянулъ и надоѣлъ товарищу, которому показалось, что грекъ перенялъ пѣсню эту у сѣраго волка. Деньщикъ хотѣлъ было сказать ему: «да ну, брось, полно выть,» но взглянувъ на него увидѣлъ на диво, что грекъ заливается горючими слезами.

Чего ты разрюмился, дуракъ?

Э, братецъ ты ничего не понимаешь; это такая пѣсня, что ни одинъ грекъ не можетъ пѣть не заплакавъ.

Какая жъ она такая? Ну–ка, переведи мнѣ!

Никакъ неможно, это очень мудрено, по русски нельзя сказать.

Какъ нельзя! Что ты городишь? Вѣдь чай не съ голосу рюмишь, а со словъ; ну говори мнѣ слова по русски!

Это, братецъ вотъ что: это такая пѣсня, что всякъ кто поетъ, тотъ и плачетъ за свуя утецества. Это поютъ, что одна птица сидѣла, ну и полетѣла — далеко–далеко, черезъ горы, черезъ море, черезъ лѣсъ, черезъ туманъ — ну и все летитъ, все летитъ, далеко летитъ, и опять еще дальше…

Ну, ну, летитъ, слышу — сказалъ тотъ — а тамъ что?

Ну, продолжалъ грекъ съ жалостной улыбкой, а тамъ и сѣла.

Ну сѣла, да дальше что?

Дальше ничего; только.

Такъ чтожь въ этой пѣснѣ? Спросилъ матросъ расмѣявшись? О чемъ же тутъ рюмить–то?

Э, сказалъ грекъ, покачавъ головой: я тебѣ говорилъ; по русски ничего, а по гречески очень жалко.